

25 КЛЮЧЕВЫХ КНИГ ПО ФИЛОСОФИИ

Фридрих Ницше (1844–1900)

Глава 4. Современная философия

«Генеалогия морали» (1887)

Резюме

Текст состоит из трех рассуждений, предваряемых предисловием, в котором Ницше подчеркивает, что мораль – это его дело. Он объясняет, каким образом уже с 13 лет начинает ставить перед собой эту проблему. В своей первой детской пробе пера он задавал себе вопрос о происхождении зла. В этой первой попытке философского сочинения Ницше представляет Бога как отца зла. Впоследствии он не терял интерес к проблеме морали. Трактатка вопроса развивалась. Она стала: «В каких условиях человек придумал суждения со значением «добрый» и «злой?»», затем: «Какое значение они сами имеют?» и далее: «В какой степени они тормозили или благоприятствовали развитию человека?».

Чтение книги Поля Ре о «Происхождении моральных чувств» (1877) породило в нем потребность высказаться по этому вопросу. Его позиция противоположна позиции д-ра Ре.

«Человеческое, слишком человеческое».

«Скиталец» и «Утренняя заря» уже вписались в этот труд – размышление о морали. До того времени главным для Ницше был вопрос о ценности морали. Своим увлечением этой работой он обязан Шопенгауэру, о котором говорит, что писал о нем, думая, как о современнике, даже если недоверчиво относился к значению «не эгоиста», жалости, отречения и самоотречения, которые Шопенгауэр слишком долго окружал ореолом.

Ницше считает, что надо поставить вопрос о ценности этих ценностей. А если эти ценности вовсе не являются ценностями, спрашивает он себя, а если они представляют собой опасность, соблазн, яд, наркотик, который позволит настоящему жить за счет будущего?

Как только вопрос ставится в таких понятиях, мы встаем перед выбором какой-то исторической тактики. Генеалогия морали еще никогда не составлялась. Да, моралисты предлагают для нее структуру, идею, но никогда не предлагали подход к ней, который, единственный, позволяет понять, откуда появляются мысли о морали.

Первое рассуждение: «доброе» и «злое», «хорошее» и «плохое»

Первое рассуждение включает вопрос двух моралей, изложенных в книге «По ту сторону добра и зла».

Понятие «хорошее» родилось в сознании могущественных и благородных людей, которые чувствовали себя «хорошими» в смысле «избранных душ» и «достойных» по отношению ко всему то что плохое (низкого качества), посредственное, низшее, простонародное и презренное. Эти достойные выражались языком утвердительных ценностей: сила, столкновение и танец.

Но такое обоснование благородной морали было разрушено. Это уничтожение связано с еврейским народом, ненавидевшим благородных завоевателей, которые его покорили. Он дал власть священнослужителям. У священника другие ценности, нежели у аристократа: он боится войны. Его бессилие для борьбы порождает в нем дикую, чудовищную ненависть, ненависть духовную и ядовитую против всего того, что сильно ищет причину своего бытия в себе самом.

Еврейский народ, ведомый своими священниками, мстит за себя, опрокидывая положительные ценности благородных. Он перевернул формулу аристократической морали: «хороший = благородный = могущественный = счастливый = любимый богами», провозглашая, что хорошими являются только низшие и отверженные. Евреи утверждали: «Только отверженные хорошие; только бедные, немощные, падшие люди хорошие; страждущие, нуждающиеся, больные, уроды – тоже лишь те единственные, кто верит в богов и освящены богами».

Так на основе понятия о морали начался бунт рабов, который сегодня увенчался победой. Каким же образом? Из ненависти евреев, созидательницы ценностей, родилась новая любовь,

которая воплотилась в Иисусе. Этот «спаситель», принеший высшее счастье всем бедным, больным, греховным, «не был ли он абсолютным соблазном в его самой волнующей и неотразимой форме, тем соблазном, который окольными путями вел непосредственно к тем ценностям, теми иудейским понятиями идеального?». Для мира это был неотразимый соблазн. Народ одержал верх. Теперь в этом вопросе было покончено с хозяевами. Мораль обычного человека победила. Даже если ныне, во времена, когда писал Ницше, у церкви уже не было столь большой силы соблазна, то это не особенно важно для нее, ибо его яд продолжает распространяться в обществе: «Нам внушает отвращение церковь, но не ее яд».

Затем Ницше переходит к анализу двух противоположных моралей. Благородная мораль, говорит он, – это да: ее фундаментальное понятие – «доброе». «Аристократическая оценка действует и верит непосредственно, она ищет свою антитезу лишь для того, чтобы сказать «да» себе самой с еще большей радостью и признательностью». Благородный человек не знает своих врагов. Он не направляет на них свою ненависть. Он их забывает. Это не злопамятный человек, он довольствуется тем, что утверждается для себя самого. Напротив, мораль рабов порождает ценности, связанные со злобой, «злоба этих существ, которым запрещена адекватная реакция, реакция действием, может быть удовлетворена только воображаемой мстью». Такой терминологией слабые осуждают сильного, потому что он ведет себя как сильный, тогда как они прославляют себя за то, что ведут себя как слабые и превращают свои чувства слабых в добродетели.

Сегодня никто больше не предлагает идти вперед, создавать человека: «Все идет понижаясь, понижаясь постоянно, становится более тонким, более мирным, более благоразумным, более посредственным, более незначительным, более китайским, более христианским – человек, и в этом нет сомнения, постоянно становится «лучше». Такова зловещая судьба Европы».

Ницше прослеживает историю борьбы двух моралей. Он выделяет ее последовательные этапы, чтобы показать, что после ужасного столкновения, в которое вовлекли весь мир на тысячелетия две противоположные ценности – «хорошие и плохие» с одной стороны, и «добрые и злые» – с другой, исход не вызывает сомнения.

Ницше рассматривает три момента этой истории. Сначала противопоставление Рима и евреев: «Римляне были сильными и благородными людьми в том смысле, что в мире еще никогда не было более сильных и благородных; любое свидетельство, которое доходит до нас от них, любая надпись восхищают, лишь бы узнать, кто это написал. Евреи, наоборот, были священническим, удивительно злопамятным народом».

Кто победил? Иуда, потому что сегодня во всем мире падают ниц перед Римом, центром христианства. Конечно, Возрождение было красивой реакцией, которая высоко подняла культуру и ценности классического идеала. Но оно было быстро задушено Реформой. Во время Французской революции разгром аристократического идеала завершается: «Последняя политическая знать Европы XVII и французского XVIII века пала под натиском народных инстинктов злобы. Никогда еще на земле не было столь великого ликования и такого бьющего через край восторга».

Но окончательное ли это поражение? Это грандиозное противопоставление идеалов теперь навсегда предано забвению или только получило отсрочку? Ницше спрашивает себя, когда же проснется огонь, который тлеет так долго. «По ту сторону добра и зла» не означает «по ту сторону хорошего и плохого», уточняет он в заключение первого рассуждения.

Второе рассуждение: «вина», «искаженное сознание» и что на них похоже

Второе рассуждение прослеживает происхождение идеи вины. У животных способность забывать является сильной чертой, признаком выносливости. Человеку же удалось утратить свойство забывать, которое обеспечивает спокойствие многих видов. Он даже приобрел противоположное качество – память, при помощи которой в определенных случаях забвение отсрочивается. «Речь идет вовсе не о чисто пассивной невозможности освободиться от впечатления прошлого и об активной воле не освобождаться, о воле, которая упорно хочет того, что она уже один раз хотела, точнее говоря, о памяти воли».

Человек стал предусмотрительным, упорядоченным, необходимым до такой степени, что может сделать для себя предположения на будущее. Это долгая история ответственности: «Знание этой редкой свободы, этой власти над собой и своей судьбой, оставило в нем такой глубокий след, что стало у него инстинктом, причем инстинктом доминирующим».

Этот инстинкт человек называет своим сознанием. Чтобы человек твердо помнил свое слово и выполнял свое обещание, нужно было, чтобы он закрепил это обязательство в голове, а именно цену неоплаченного долга. Это невозможно сделать без мук: «Инстинкт открыл в чувстве боли самое мощное вспомогательное средство мнемоники. Чем хуже у человечества память, тем более ужасный вид принимают обычаи. В частности, строгость уголовных законов дает нам образец соответствия тех усилий, которые необходимо приложить, чтобы преодолеть забвение и сохранить в памяти рабов, пытающихся преступить закон, элементарные требования социальной жизни».

Ницше изучает гражданскую вину, а именно случай, когда дебитор не может рассчитаться со своим кредитором. По-немецки слово «вина» (Schuld) очень близко слову «долг» (Schulden). Действительно, долгое время ответственность не существовала как понятие. Считалось, что ущерб должен вызывать боль у кредитора, следовательно, он мог отомстить за себя. Именно в этой области права обязательств Ницше находит источник происхождения моральных понятий вины, сознания, долга и святого характера долга: «Заставить страдать доставляет очень большое удовольствие, Тот, кому нанесен ущерб, получал в обмен за доставленные ему неприятности невероятно приятную компенсацию: заставить страдать – это настоящий праздник».

Таким же образом уголовная вина, а именно случай, когда индивидум своим действием отрицает то, что он должен сообществу, может быть осмыслена при помощи терминов долга и займа. Преступник – это тот, кто не возвращает обществу то, что оно дает всем гражданам (безопасность, защиту и т. д.).

«Чем больше растут могущество и самосознание сообщества, тем больше смягчается уголовное право. Любое ослабление и любая опасность ведут к появлению более строгих форм этого права».

Ницше также показывает, что далее можно говорить о «справедливости» и «несправедливости» только в зависимости от институтов закона, так как «говорить о справедливости и несправедливости как таковых бессмысленно [...], потому что жизнь проявляется постоянно в своих элементарных выражениях, в виде взлома, нарушения, эксплуатации, разрушения, и она немыслима без этого».

Ницше далее развивает мысль о наказании, которое, по его мнению, не создает «искаженного сознания» и приходит к нравственной вине. Чтобы понять происхождение чувства вины, надо рассмотреть сначала «искаженное сознание». Оно является болезнью, которой заразился человек, когда, будучи полуживотным, приспособленным к дикой жизни, он вдруг оказывается заключенным примитивным государством в железный ошейник общества и мира: его жестокие инстинкты оборачиваются против него, и он может разорвать сам себя. Вместе с искаженным сознанием появилась самая серьезная и самая тревожащая болезнь, которую человечество еще не излечило, – «это человек, страдающий от человека, от самого себя». Ницше составляет генеалогию искаженного сознания. Вначале это был инстинкт свободы, загнанный вглубь, подавляемый в народах, поработанных первым социальным порядком, навязанным сильными. Эти народы, будучи не в состоянии противостоять сильным, обрекли себя на страдания и нашли в этом эстетику. Каким образом понятия бескорыстия, самозабвения, самопожертвования могли заключать в себе идеал, остается загадкой. Действительно: «Удовольствие, которое испытывает бескорыстный человек, человек, который жертвует собой, – это удовольствие жестокости».

С другой стороны, необходимо рассмотреть особенную форму «долга»: долг, признававшийся примитивными сообществами за собой по отношению к предкам-богам, которые основали племя и защищали расу. Чем сильнее становилась раса, тем больше предок выдавался за всемогущего, тем больше он превращался в бога. Что стало с этим сознанием долга? «Пришествие христианского бога – самой высокой степени чуда, когда-либо ранее имевшей место, – максимально усилило чувство долга на земле». В искаженном сознании

эта вера стала идеей долга перед Богом, который человек никогда не сможет вернуть. Отсюда человек стал рассматривать себя в своем бытии. Он стал «грешником». И именно в форме греха появилась моральная вина. Сегодняшняя задача молодежи могла бы, если у нее будут для этого силы, стоять так: вернуть, человеческому существу его безгрешность.

Третье рассуждение: что означают аскетические идеалы?

Третье рассуждение посвящено смыслу аскетического идеала. Оно начинается с анализа положения художника, а точнее говоря Вагнера, который своей оперой Парсифаль в конце жизни, кажется, хотел самоотречься, прославляя аскетический идеал. От Вагнера Ницше переходит к Шопенгауэру, который его вдохновил. Долгий путь приводит к вопросу об эстетическом удовольствии и его связи с сексуальностью. В собеседники призваны Кант, Шопенгауэр и Стендаль для помощи в этих размышлениях. И Ницше понимает положение философа: избегать мир, чтобы иметь возможность размышлять. Бедность, унижение и нравственная чистота являются формами его жизни. Но через аскетизм или, скорее, для достижения своей наивысшей силы он должен мыслить? Как бы там ни было, но есть связь между философией и аскетическим идеалом.

Затем Ницше рассматривает священника, который является лучшим воплощением аскетического идеала. Само отрицание жизни, аскетический священник является тем не менее инструментом, благодаря которому вырождающейся жизни удается сохраниться: «Аскетический идеал имеет свой источник в защитном инстинкте и инстинкте торжества жизни, находящейся на пути вырождения». В качестве пастора болезненных людей он охраняет свое стадо от внутренней опасности, которая заключается для этой массы в брожении злобы и ненависти к жизни.

Идеалом слабых было бы достижение того, чтобы «внушить их собственную нищету и всю нищету мира в сознание счастливых так, чтобы тем однажды вдруг стало стыдно за свое счастье и они, возможно, сказали бы друг другу: как стыдно быть счастливым! Вокруг слишком много нищеты!». Ницше не предлагает сильным произносить такие слова. Сильные не могут ухаживать за больными, так как последние надеются лишь на то, чтобы их заразить. Только больной может заботиться о больных. Это роль священника-аскета. «Превосходство тех, кто страдает, – вот его королевство». Слабые, больные, которые страдают каким-нибудь физическим недугом, ищут виновного в их состоянии. Поэтому к каждому приходит священник, чтобы сказать: «Да, виновный есть, и этот виновный – ты и твой грех». Таким образом, Ницше уточняет, что предрасположенность к греху у человека не является фактом, это «толкование» факта. «Чувствовать себя грешным отнюдь не доказывает, что ты прав, ощущая себя таковым».

Разумеется, священник-аскет не пытается бороться с причиной болезни, которая имеет физиологический характер. Для него, скорее всего, лучше и дальше капать яд на рану, чтобы та продолжала кровоточить. Но если он и побеждает страдание, то с другой целью – чтобы утвердить свою власть. И делает это различными способами: притупление чувствительности в религиях, в которых пытаются предать злобу забвению (Индия, а также Эпикур в Греции), механическая деятельность (спортивная тренировка), любовь ближнего, общинный идеал («организовываться в стадо»), пробуждение чувства силы в сообществе. Но самое серьезное для Ницше, самое наказуемое – это действие, которое формирует аскетический идеал, уводя лишь в сторону эмоционального расстройства. С помощью идеи греха священник-аскет смог создать настоящий хаос эмоций: человек должен искать причину своего страдания в себе самом, и более того, он должен жить со своим страданием как наказание за свою вину.

«В какую сторону ни повернись, везде гипнотический взгляд грешника устремлен в одном направлении, в направлении вины».

Благодаря этому последнему «лекарству», найденному священником, человек чувствует себя грешником, он приговаривает себя к жизни виновного и стремится к иной жизни. Это и представляет собой триумф аскетического идеала: «Повсюду добровольное непризнание страдания в отношении жизни, страдания, понимаемого как чувство вины, страха, наказания; повсюду дисциплина, власяница, исхудавшие тела, раскаяние; повсюду истязания, которые

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 17. Фридрих Ницше (1844–1900)

грешник налагает на себя сам на жестоком колесе беспокойного, похотливо болезненного сознания; повсюду немые мучения, крайний испуг, агония терзаемого сердца, спазмы непознанного счастья, крик, призывающий к спасению». Таким образом, человек сделался «лучше», то есть ослаб, пал духом, зачах, размяк, изнежил, пришел в негодность. Этому идеалу, который подорвал здоровье и вкус, не противостоит сегодня ни один другой. Его цель, между прочим, быть универсальным.

Наука, новая идеология, противостоит ли она этому идеалу? С виду, да. Но фактически наука продолжает аскетический идеал. Она сама является ее самой свежей, самой идеальной формой: она верит в правду как в абсолют, и эта вера является концентрированным остатком аскетического идеала, противопоставляющего нашему иллюзорному миру мир правдивый.

Откуда исходит эта сила аскетического идеала? Он дал смысл человеческому существованию, он поставил цель воле: ненависть к природе в человеке. Но такая воля является волей небытия.

Комментарий

Генеалогия морали – это произведение периода зрелости Ницше, пишет Хесс, в нем можно найти все элементы его философии. Мы не будем возвращаться к ним сейчас. Лучше остановимся на том, как Ницше был прочитан.

Как предлагает Анри Лефевр в книге Гегель, Маркс, Ницше и царство теней, стоит «отличать последующие поколения и влияние». В первом случае его произведение входит в то, что он сам назовет генеалогией такого человека, мыслителя, поэта, человека действия. Во втором случае недоразумения следуют одно за другим, и влияние распространяется от непризнания к непризнанию.

Влияние Ницше очень ощущается в творчестве таких авторов, как Батай, Герман Гессе, а также Роберт фон Музиль. В Германии и Австрии Ницше могли считать, как всегерманского автора. Начиная с конца века Штраус и Малер посвятили Заратустре и Ницше музыкальные произведения. В этом перечислении надо упомянуть гитлеровцев, – продолжает он. Сестра Ницше, Элизабет, вышедшая замуж за реакционного антисемита, много сделала после смерти брата для фальсификации его текстов путем монтажа, вырезок и т. д. Таким образом, стало возможным прочтение Ницше нацистами. Но это ознакомление вдохновлялось удивительными людьми. Так парадоксально, но факт, генерал Де Голль, знаменитый и влиятельный государственный муж Франции, придавал Ницше поразительное значение и значимость, не без невероятной оплошности в отношении мыслей философа-поэта. Для него Ницше отражает германский дух. Ницше и Германия отождествляются. Всеми ошибками Германия обязана Ницше.

Реми Хесс пишет о том, что в начале XX века во Франции все, «связанное с Ницше», было синонимом анархического и левого. Девушка из буржуазии, которая хотела завести любовника и «жить свою жизнь», называла себя «ницшеанкой». Позднееприятие доктрины приняло диаметрально противоположный смысл. Жид слева или Дриё ля Рошель справа являются тому хорошими примерами. Ницшеанство, таким образом, является элитарным образом, воспитанием (мнимым) новой аристократии.

Когда гитлеровцы решили ассимилировать философию Ницше, некоторые восстали против такого толкования. Например, Анри Лефевр опубликовал Ницше в 1939 году и был первым, кто отказался от такой трактовки. Однако в своей книге он хотел также показать, что, будучи индивидуумом и разумным существом, Ницше был непонятен: «Ни один биограф не смог уловить его индивидуальность и его философию, ибо он не был существом, он был стремлением к нему». Лефевр показывает, что сверхчеловек – это человек, который преодолел свой закат, который сделал свой закат обогащением.

Сегодня историческая правда восстановлена. Тексты его произведений представлены и прокомментированы самыми крупными философами. Во Франции, например, Делёз, Деррида, Фуко, Клоссовский, Жан-Франсуа Маттеи. Жизнь Ницше становится для нас более понятной благодаря Курт Поль Янсу, который опубликовал монументальную биографию Ницше.

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 17. Фридрих Ницше (1844–1900)

В заключение он отмечает, что для мыслителя всегда является риском действовать неактуальным образом, то есть против своего времени, и тем самым воздействовать на время, ускоряя его. История не дает нам повода надеяться на признательность. Вот почему несвоевременный Ницше до сих пор остается живым. Тем, кому нравится не успокоенность, кто любит беспокоить конформизм, чтение Ницше придаст сил, считает Реми Хесс.